

Капранова Е.Ю.

Раб каролингской эпохи: объект или субъект права?

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3205>]

[Публикация работы:]

Капранова Е.Ю. 2003: Раб каролингской эпохи: объект или субъект права? // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (11), 103-119.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Е. Ю. КАПРАНОВА*

РАБ КАРОЛИНГСКОЙ ЭПОХИ: ОБЪЕКТ ИЛИ СУБЪЕКТ ПРАВА?

Вопрос о правовом положении раба в раннем средневековье – один из аспектов глобальной проблемы перехода от античного рабства к средневековому серважу. В историографии нет единого мнения относительно причин и хронологических рамок этого процесса.

Историки античности склонны объяснять упадок рабства внутренним кризисом древнеримского общества (конец II – IV в.). Е. М. Штаерман¹ отмечает, что в связи с прекращением завоевательных войн в первые века нашей эры рабы выросли в цене, и эксплуатировать их стали бережнее. С одной стороны, это уменьшало доходность рабовладельческой виллы, а с другой – повышало их статус в общественном мнении и даже в праве. В эпоху Домината массовое разорение вилл в результате фискального гнета привело к переносу центра экономической активности в крупные частные владения (латифундии, сальтусы), основанные не столько на рабском труде, сколько на системе держаний. Из-за того что в основе отношений землевладельца и работников лежала не личная, а поземельная зависимость, различие между рабами и другими категориями держателей стало стираться. Основные положения этой концепции разделяют и многие современные антиковеды².

По мнению М. Финли³, позднеримское общество уже не было рабовладельческим, поскольку государство усилением налогового давления на свободных крестьян побуждало их к массовому вступлению в зависимость от крупных землевладельцев; тем самым для сельского хозяйства создавался источник рабочей силы, альтернативный рабству, которое в результате отошло на второй план. Одновременно статус свободного бедняка девальвировался до несвободы, что было юридически закреплено в таких категориях, как *humiliores* и *coloni*, вобравших некоторые черты рабства.

Вопрос о характере рабства у германцев до эпохи завоеваний изучен мало. Английский историк Е. Томпсон⁴ отмечает, что оно было мало распространено из-за низкого уровня развития экономики. Рабами становились, как правило, захваченные в плен иноплеменики, которых испомещали на землю за оброк. Отличительными признаками рабского состояния были: применение телесных наказаний, а также передача рабов по наследству вместе с другим имуществом.

Для медиевистов широкое распространение рабства и после падения Римской империи, особенно в эпоху варварских королевств, – очевидный факт⁵, а потому в центре их внимания находится механизм перехода от рабской зависимости к сервильной.

* Капранова Е. Ю. – аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

¹ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

² См., например: Контев А. В. От прав гражданства к праву колоната: формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.

³ Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. L., 1980. Ср.: Morabito M. Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste. Besançon; P., 1981; Giliberti G. Servus quasi colonus. Forme non tradizionali di organizzazione del lavoro nella società romana. Napoli, 1981.

⁴ Thompson E. A. Slavery in Early Germany // *Hermathena*. 1957. 1957. N 89. P. 17–29.

⁵ См., например, фундаментальный труд Ф. Лота: Lot F. Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. P., 1935.

С точки зрения М. Блока⁶, переход от рабства к серважу осуществился в результате двух последовательных процессов: испомещения рабов на землю, произошедшего во времена поздней Империи в связи с упадком товарных рабовладельческих хозяйств, и консолидации различных категорий несвободных держателей (рабов, вольноотпущенников, колонов) внутри поместья в рамках личной зависимости от господина в раннее средневековье. В тот период отношения личной зависимости цементировали общество в условиях распада родственных и государственных структур в эпоху варварских завоеваний. По его мнению, в IX в. во Франции рабство было уже редкостью. К XII в. класс рабов и вовсе растворился, так как европейская цивилизация замкнулась и не зависела более от притока рабочей силы извне, а слой потомственных рабов истощился из-за массовых отпусков на волю. Ему на смену пришел класс сервов, унаследовавший название от рабов, а повинности, скорее, от вольноотпущенников *cum obsequio*⁷.

Ш. Верлинден⁸ отмечает параллельную эволюцию рабства в позднеримском и варварском обществах. Статус раба повышается, за ним частично признаются: право на судебную защиту, личная ответственность за совершенные преступления, право на пекулий, наличие вергельда. В обоих случаях присутствует тенденция использовать раба как держателя, что наряду с развитием отпущенничества ведет к смешению статусов, промежуточных между свободой и рабством, в рамках «фамилии», — так возникают прототипы сервов. Рынок по направлению к серважу произошел в связи с тем, что в VII–VIII вв. Франкское государство не вело широкомасштабных войн, и землевладельцы были вынуждены восполнять недостаточный приток рабов эксплуатацией зависимого населения, переводя все его категории на барщину. По мнению исследователя, в IX в. «атмосфера серважа» уже преобладает в Северной и Центральной Франции.

Ставя перед собой те же вопросы, что и М. Блок (почему, как и когда исчезло античное рабство?), П. Боннасси⁹ изучает раннесредневековое рабство по варварским правдам и приходит к выводу, что раб VI–VIII вв. не отличается от своего аналога в античности или в новое время. Более того, варвары выступили в роли «жандармов старого порядка», распространив рабство на те земли, где во времена Римской империи оно не было массовым явлением. Возражая М. Блоку и Ш. Верлиндену, главным источником поступления рабов он считает не войну, а судебный механизм (рабство за преступление, долги и т. д.), который исправно действовал на протяжении всего раннего средневековья. Причину исчезновения рабства он видит в экономическом подъеме VIII–X вв.: для масштабной внутренней колонизации (расчисток) требовалась мобильная и инициативная рабочая сила (свободные мелкие собственники). Крупные имения стали дробиться, а рабы отпускаться на волю. К X в. рабовладельческий строй полностью исчез. Боннасси отрицает преемственность между рабством и серважем: последний представляет собой новый тип зависимости, связанный со становлением баналитетной сеньории.

А. И. Неусыхин¹⁰, изучая предпосылки возникновения класса зависимых крестьян, сложившиеся у германских народов в эпоху варварских королевств, и видя в рабах и полусвободных конституирующие элементы будущего класса сервов, обращает особое внимание на попадание в зависимость свободного населения. Он отмечает, что одним из последствий подчинения обедневших свободных власти вотчинника стало изменение представления о свободе: позитивный взгляд на свободу как на набор прав сменяется ее негативным восприятием (свобода как противоположность несвободе). Соответственно, в более поздний период

⁶ Bloch M. Pourquoi et comment finit l'esclavage antique // *Annales*. 1947. A. 2. P. 30–44, 161–170.

⁷ Bloch M. Les «colliberi»: Etude sur la formation de la classe servile // *Revue historique*. A. 53. 1928, T. 157, fasc. 2. P. 225–263.

⁸ Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. T. 1.

⁹ Bonnassie P. Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du haut moyen âge (IV–XI^s). // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1985. N 4. P. 307–343.

¹⁰ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; Он же. Собственность и свобода в варварских правдах // *Проблемы европейского феодализма*. М., 1974. С. 32–210.

класс зависимых крестьян вообрал в себя потомков свободных, наряду с различными категориями несвободного населения. Говоря о держателях каролингского периода, он полагает, что прекарист является промежуточной социальной категорией, переходной от свободного общинника-аллодиста к крепостному колону на тяглом наделе.

Итак, медиевисты, в целом, единодушны в том, что рабство меровингского периода носит еще вполне традиционный характер, а в XI–XII вв. во французской деревне уже господствует серваж¹¹. Дебаты ведутся вокруг причин (экономических, социальных или политических), обусловивших эту трансформацию. При этом эпоха Каролингов (VIII–X вв.), которую некоторые историки считают временем решающих перемен¹², находится вне фокуса исследования, и специфика каролингского рабства остается неясной.

При изучении рабства каролингской эпохи историко-юридический подход представляется особенно плодотворным, ибо анализ правового статуса раба дает возможность увидеть результаты социальной эволюции рабства и степень их признания обществом (так как право фиксирует уже свершившиеся изменения). Вопрос, является ли каролингский *servus/mancipium* античным (или патриархальным) рабом либо средневековым сервом, на языке юриспруденции можно сформулировать так: является ли он объектом или субъектом права? Не имея возможности в рамках одной статьи рассмотреть все аспекты положения раба, обратимся к праву собственности, отражающему самую суть рабства. Ибо с точки зрения права рабство есть не что иное, как собственность одного человека на личность другого¹³, из которой проистекает отсутствие у раба юридически оформленных прав на свое имущество и его включение в комплекс собственности (виллы или латифундии) как простого инвентаря¹⁴. Напротив, серв волен распоряжаться своей личностью (власть его господина носит скорее характер ограничения) и обладает фиксированными правами на свой надел. В отличие от раба, серв занимает в комплексе собственности (сеньории) обособленное место, определяемое системой личных (а не вещных) отношений¹⁵.

Изучая правовое положение раба каролингской эпохи с этой точки зрения, нужно обратить внимание, во-первых, на распределение между господином и рабом прав на личность последнего и на его имущество, а во-вторых – на способ включения раба в состав собственности как конгломерата личных и вещных прав.

Географические рамки исследования охватывают территорию Галлии, для которой разнообразие источников позволяет предпринять многоплановое исследование феномена рабства.

Следует иметь в виду, что в раннее средневековье на территории Франкского государства сосуществовало несколько правовых систем. В основе лежал римский правовой субстрат, так как большинство населения Франкского государства составляли галло-римляне. В южных и западных районах, ранее входивших в состав королевства вестготов, действовал Бревиарий Алариха (начало VI в.), в юго-восточных – *Lex Romana Burgundionum* (конец V – начало VI в.). Влияние бревиария быстро распространилось на большую часть Галлии, но из-за прогрессирующей примитивизации экономики в VII–IX вв. он применялся все более

¹¹ В последние годы вопрос о характере крестьянской зависимости в X–XI вв. поднимали: для центральных областей Франции – *Barthélemy D. Le statut servile au «premier âge féodal»: réflexions et questions // Mélanges de l'Ecole Française de Rome. Moyen âge. 2000. Vol. 112. N 2. P. 535–549*; для Южной Франции – *Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. М., 2000. С. 511–549*.

¹² Точка зрения М. Блока, Ш. Верлиндена, П. Боннасси. См. также: *Boutruche R. Seigneurie et féodalité. P., 1968. P. 154*.

¹³ *Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 124–125; Dockès P. Medieval Slavery and Liberation. L., 1982. P. 4*.

¹⁴ *Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 104–105. П. Боннасси приходит к следующему выводу: «Раб представляется исключенным из общества; продукт его труда и его воспроизводство полностью находятся под контролем другого» (Bonassie P. Survie et extinction... P. 320).*

¹⁵ *Bloch M. La société féodale. P., 1989. P. 366–368. Ср.: Duby G. Guerriers et paysans. P., 1973. P. 198.*

фрагментарно. В целом роль римского права в раннее средневековье выражалась в следующем: 1) регулировании гражданского статуса галло-римлян (ибо право действовало по персональному принципу); 2) оформлении большинства хозяйственных сделок на территории Франкского государства; 3) регламентации имущественного режима христианской церкви. Оно постепенно сдавало позиции, и к X–XI вв. возобладала германская традиция¹⁶. Памятниками «вульгарного римского права» позднемеровингской и каролингской эпох являются формулы – образцы документов для оформления различного рода сделок, предназначенные, как правило, для нужд нотариусов и частных лиц и отражающие, таким образом, правовую практику. Древнейшие из дошедших до нас сборников формул – Овернские (середина VI в.¹⁷) и Анжерские (начало VII в.), составленные в городских куриях и не содержащие видимых следов варварского влияния. В Буржских (VIII в.), Сансских (конец VIII – начало IX в.) и особенно Турских (вторая половина VIII в.) формулах уже заметны элементы воздействия существовавшей параллельно на той же территории германской правовой традиции. Наиболее варваризированы формулы Маркульфа (конец VII – начало VIII в., дополнены в конце VIII в.), происходящие из Парижского региона, а также Салические формулы, возникшие между серединой VIII и серединой IX вв. где-то в ареале действия «Салической правды». Формулы Маркульфа использовались канцелярией и нотариумами франкских королей, чем объясняется более широкое их применение по сравнению с остальными сборниками. Сам факт проникновения элементов варварского права в формулы показателен: не имея другого способа оформления сделок, франки пользовались для этой цели инструментами римского права. В той мере, в какой потребность в составлении формул определялась римской традицией, все вышеназванные сборники вписываются в ее рамки. Специфика формул как источника заключается в том, что они вторичны по отношению к реально существовавшим грамотам, из которых нотариусы выбирали, по всей видимости, документы с устоявшейся фразеологией, а потому отраженные в них правовые представления старше времени появления сборников.

Населявшие франкское государство варварские народы жили каждый по своему праву, зафиксированному в варварских правдах. В целом, этот тип источников отражает слишком архаичный для нашего периода этап развития обычного права. Заметим, что вопрос о статусе раба на материале *leges* хорошо освещен в литературе¹⁸.

Укрепление государственных институтов при Каролингах создало предпосылки для активизации законодательной деятельности монархов. Законодательство Каролингов – капитулярии – охватывает период с середины VII до конца IX в. Капитулярии не заменяли собой ни обычное, ни тем более римское право, ни сложившиеся на местах юридические обычаи, а дополняли их, корректируя обычное право или упорядочивая правовую практику. Они представляли собой не систематизированный свод законов, а реакцию королевской власти на актуальные вопросы государственной, общественной или религиозной жизни, фиксируемую по мере их накопления. С этой точки зрения они бесценны как источник, ибо, не скованные формуляром, не только содержат конкретные распоряжения (в том числе и касательно рабов), но и рисуют живую картину современных им реалий. Капитулярии действовали по территориальному принципу и, если это не было оговорено особо, являлись обязательными во всех областях государства. Зачастую прецедент, возникший в одном уголке королевства, вызывал к жизни распоряжение, касавшееся всей его территории. Хотя постановления Каролингов были адресованы как варварам, так и галло-римлянам, а текст был записан по-латыни, в них, безусловно, господствует мышление, свойственное германскому правосознанию. Таким образом, они являлись мощным средством распространения варварского влияния на обширный комплекс

¹⁶ Levy E. *West Roman Vulgar Law: the Law of Property*. Philadelphia, 1951. P. 10.

¹⁷ Это датировка издателя формул К. Цоймера. Г. Фурнье датирует их концом VI – VII в., Ш. Верлинден – серединой VIII в.

¹⁸ Помимо указанных работ А. И. Неусыхина, Ш. Верлиндена и П. Боннасси, см.: Данилова Г. М. К проблеме рабства в раннефеодальном обществе: по народным «правдам» франков, саксов, баваров, фризов, аламаннов // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. 1954. Т. IV. Вып. 1. С. 38–65.

земель с разнородными правовыми традициями. С одним исключением: законодательная инициатива церкви, следующая римской традиции, присутствует в капитуляриях почти в чистом виде, поскольку *capitularia ecclesiastica* утверждались отдельно, и государь зачастую не вносил изменений в проекты, подготовленные духовными лицами. При работе с капитуляриями важно иметь в виду, что, поскольку правовые нормы независимо от происхождения фиксировались на латинском языке, разнородные реалии облекались в римскую юридическую терминологию, что влекло за собой их смысловое сближение и одновременно деформацию. Исходя из этого, для оценки правового положения раба первостепенное значение имеет терминологический анализ.

Кроме нормативных источников, сведения о рабах можно почерпнуть и в грамотах. В большинстве своем акты каролингской эпохи дошли до нас в составе картуляриев XI–XII вв. Не претендуя на их исчерпывающий охват, автор стремился соблюсти географическую репрезентативность. Для грамот характерно наличие жесткого формуляра и изобилие клише, смысл которых в ряде случаев был уже непонятен к моменту оформления сделки. Однако сопоставление грамот, происходящих из разных областей Франкского государства, позволяет сделать некоторые выводы о территориальных и стадийных различиях в правовом статусе и восприятии рабов.

Для уточнения некоторых терминов и представлений автор обращался к нарративным источникам: хроникам, «историям» и трактатам каролингских авторов.

Очерченный круг источников содержит разноплановую информацию о рабах: капитулярии рассматривают их с точки зрения публичного права (при всей относительности такого словоупотребления применительно к раннему средневековью); формулы и грамоты позволяют определить место, отведенное рабу юридической практикой. При этом пестрота правовой материи, отсутствие общепринятых позитивных норм побуждают уделить особое внимание ее базовому пласту – правосознанию. Оно позволяет обнаружить намечающиеся изменения, еще не успевшие получить законченное юридическое оформление.

Права на личность раба

В источниках, особенно в формулах VI–VIII вв., упоминаются самые разные типы сделок, объектами которых являлись рабы: их продают, покупают, дарят, обменивают, приобретают или теряют в результате тяжбы, завещают, отдают в держание и отпускают на свободу. Но эта свобода распоряжения, характерная для повседневной практики, уже в позднемеровингское время подвергается ограничениям. Так, Санские формулы (вторая половина VII в.), происходящие из городской курии, предписывают продавать раба на рынке, в присутствии *boni homines*¹⁹. В Салических формулах (VIII в.) продажа раба сопровождается публичным подписанием соответствующей грамоты²⁰.

Законодательство Каролингов накладывает на сделки с рабами еще более строгие ограничения: по Геристальскому капитулярию (779 г.), продавать рабов разрешается только в присутствии епископа или графа, их уполномоченных или, в крайнем случае, при свидетелях²¹. Запрещается вести тяжбы о собственности (в том числе собственности на рабов) в суде центенария или викария, обладающем низшей юрисдикцией²². Фактически, вне ограничительного контекста королевское законодательство оставляет только одну, хотя и очень важную, процедуру: отпуск на свободу. Хотя на практике эти запреты со-

¹⁹ *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / Hrsg. von K. Zeumer. *Formulae Senonicae*, I, 9. При этом подчеркивается, что продажа раба происходит «non fraudo, sed in publico».

²⁰ *Formulae Salicae Merkelianae*. 12: ...praedicto servo nominato una cum carta venditionis ei [i. e. emptori. – Е. К.] publice affirmavi.

²¹ *Capitularia regum francorum* / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannoverae, 1883–1897. (Далее: *Cap.*). N 20. C. 19: De mancipia quae vendunt, ut in praesentia episcopi vel comitis sit, aut in praesentia vicedomini aut iudicis comitis aut ante bene nota testimonia.

²² *Cap.* N 65 (810). C. 15: De res et mancipia, ut ante vicariis et centenariis non conquirantur; аналогичное распоряжение – N 80 (811–813). C. 4.

блюдались далеко не всегда, они привели к консервации соответствующей юридической терминологии. В одном из капитуляриев Карла Великого присутствует парафраз из «Дигест»: *non est amplius, nisi liber et servus*²³. На деле же под терминами *servus*, *ancilla*, *mancipium* могут подразумеваться совершенно разные лица: от не посаженных на землю рабов, которых продавали или дарили поштучно, до держателей, обязанных фиксированной барщиной, и даже управляющих крупными имениями, как в капитулярии о поместьях²⁴. В капитулярии Пипина Короткого брак между рабом (*servus*) и его рабыней (*ancilla*) считается неравным²⁵, а в дипломе Людовика Немецкого встречается упоминание «манципиев... разного вида и положения»²⁶.

Ограничивая свободу распоряжения рабами, законодательство гораздо меньше вмешивалось в осуществление собственником прав на личность принадлежавшего ему раба. Господин мог разрушить рабскую семью, продав одного из супругов²⁷; браки рабов, принадлежавших разным господам, считались недействительными²⁸; беглый раб должен был быть возвращен господину, где бы он ни скрывался²⁹; за неповиновение он подвергался телесным наказаниям³⁰. Наконец, без разрешения господина раб не мог принять духовный сан³¹. Государство признавало за собственником и право судить своего раба, но за одним важным исключением: дела о жизни и смерти последнего передавались в компетенцию государственных чиновников³². Становясь хотя бы в этом отношении подотчетным непосредственно государству, раб сближался со свободным. Этим исчерпывается непосредственное воздействие королевской власти на правовое положение раба.

За жесткой позицией короны угадывается собственнический интерес, а именно стремление свести к нулю отчуждение рабов фиска. Так как из земель казны раздавались бенефиции, у государей был дополнительный стимул настаивать на неприкосновенности государственного имущества. Аналогичный интерес имела и церковь: отчуждение ее собственности запрещалось церковным законодательством³³. Выражением единства их интересов стало провозглашение одинакового режима государственной и церковной собственности³⁴.

Кроме того, на положение раба косвенным образом повлияла частновладельческая политика государей: на фискальных (в том числе бенефициальных) и церковных землях утвердился особый режим ответственности раба за совершенные проступки. Поскольку в этом случае было невозможно применять традиционную как для римского, так и для варварского права уголовную процедуру, в соответствии с которой за преступления раба

²³ Cap. N 58 (801–814?). C. 1. Cp.: D. I. 5. 3 (Gaius): *Summa itaque de iure personarum divisio haec est, quod omnes homines aut liberi sunt, aut servi*.

²⁴ Cap. N 32 (800 vel ante).

²⁵ Cap. N 16 (758–768?). C. 7: *Si servus suam ancillam concubinam habuerit, si ita placet, potest, illa dimissa, comparet suam, ancillam domini sui, accipere...*

²⁶ Kehr P. Die Urkunden Ludwigs des Deutschen, Karlomanns und Ludwigs des Jüngeren. B., 1934. N 26 (840): *mancipiis... diversi generis vel condicionis*.

²⁷ Cap. N 16 (758–768?). C. 19: *Si servus aut ancilla per venditionis causam separate fuerint, praedicandi sunt ut sic maneant, si eos reungere non possumus*.

²⁸ Cap. N 273 B (864). C. 31: *Si autem de istis partibus in illis partibus femina maritum aut maritus feminam accepit, illud coniugium, quia non est legale neque legitimum... dissolvatur; et cuius fuerit vir vel femina, mancipium suum quaeque potestas recipiat, et suae potestatis homini coniungere faciant*.

²⁹ *Formulae Andecavenses*. 51 содержит мандат на судебное преследование беглого раба, выданный неким купцом своему доверенному лицу: *Rogo, preco atque suppleco per hunc mandatum ad vicem meam servo meo nomen illo, natione gentile, quem mihi confugio fecit, ubi et ubi cum ipso invenire poterit, tam in pago quam et in palacio, seu in qualibet paedera [i. e. patria] invenire poteris, quicquid exinde ad vicem meam prosequere et excausare, admallare eas faceas...*; *Formulae Marculfini*. I. 38.

³⁰ *Form. Marc.* II. 27. 28; *Form. Senon.* I. 4; Cap. N 32 (800 v. ante). C. 4: *pro fraude vero nostra, ut diximus, familia vapuletur*.

³¹ Cap. N 22. C. 23, 57; N 35. C. 26; N 49. C. 8; N 138. C. 6.

³² Cap. N 82. C. 7, 9; N 138. C. 15.

³³ *De Clercq* C. La législation religieuse franque. P., 1936. P. 34, 60, 64, 82.

³⁴ Cap. N 191. C. 8; N 278. C. 8.

ответственность по суду несет его господин³⁵, то именно здесь раб раньше всего выступил как подобие полноправного лица. Фискальным и церковным рабам предписывается лично отвечать перед судом за нанесенный ими ущерб³⁶, что раньше было «привилегией» свободных. Со второй половины IX в. Каролинги распространили этот порядок и на частные владения³⁷.

Ограничение свободы распоряжения рабами, с одной стороны, и исчезновение смысловой определенности терминов *servus* и *mancipium*, с другой, открыло возможность некоторой эмансипации раба в глазах общества.

Повышению общественного престижа раба, в первую очередь, способствовала участвовавшая еще в докаролингскую эпоху практика продажи себя свободными людьми в рабство. Рабами становятся выкупленные от тюрьмы или казни преступники³⁸, те, кто не смог уплатить судебный штраф³⁹, обнищавшие свободные⁴⁰, неоплатные должники⁴¹. Юридические последствия этого акта были существенно ограничены: закабаление свободного человека не лишало наследства его родственников, не деградировало заключенные им ранее имущественные сделки, не понижало в статусе детей. Неоднократно упоминания о временном закабалении⁴². В сделках такого рода свободный статус выступает в роли залога за определенную сумму денег или другое имущество⁴³. В случае выплаты долга человек вновь обретал свободу. Все это не могло не способствовать более положительной оценке раба обществом, а следовательно, и правом, причем и римское, и германское право развивались в одном направлении. Постепенно стал смягчаться запрет на браки свободных с рабами. Так, в одной из Санскских формул упоминается свободная женщина, вышедшая замуж за раба. Его хозяйка напоминает, что могла бы обратить ее в рабство, но по доброй воле сохраняет за ней свободу, жалует семье пекулий и не требует никаких повинностей⁴⁴. На землях фиска сохранение прав свободного супруга было закреплено законодательно⁴⁵, хотя формально (во всяком случае для франков) продолжала действовать норма «Салической правды», согласно которой брак с рабом вел к переходу личности и имущества свободного в собственность господина раба⁴⁶.

³⁵ Leseur P. Des conséquences du délit de l'esclave dans les *leges barbarorum* et dans les capitulaires // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1888. A. 12. P. 711.

³⁶ Cap. N 32. C. 4; N 82. C. 4; N 139. C. 18; N 192. C. 8; N 273 B. C. 15; N 278. C. 3.

³⁷ Cap. N 273 B. C. 15, 20; N 278. C. 3; N 287. C. 4.

³⁸ Form. Arvernenses. 5; Form. Andec. 2, 3.

³⁹ Form. Salicae Bignonianae. 14: cautio de caput suum; в N 27 осужденный в случае неуплаты штрафа обязуется, ut brachium in collum posui et per comam capitis mei coram praesentibus hominibus tradere feci.

⁴⁰ Form. Andec. 19.

⁴¹ Form. Senon. I. 4.

⁴² Cap. N 142. C. 6: Iudicatum est ab omnibus, ut, si Francus homo in servitio sponte sua implicaverit se, ut, si res suas, dum in libertate sua permanebat, ad ecclesiam Dei aut cuilibet legibus tradidit, ipse cui traditae fuerint eos habere et tenere possit; et si filios vel filias, dum in sua libertate generavit, ipsi liberi permaneant. Аналогично – о временном закабалении за неуплату военного налога (Cap. N 74. C. 1): Et si ille homo in illo servitio defunctus fuerit, heredes eius hereditatem, quae ad eius pertinent, non perdant, nec libertatem nec de ipso heribanno obnoxii fiant. См. также: Cap. N 39. C. 8; N 204.

⁴³ Form. Andec. 38; Form. Turon., 10; Form. Marculf. II. 27.

⁴⁴ Form. Senon. I. 6; аналогично: Form. Andec. 59; Form. Sal. Merkel. 31. В Form. Salicae Bignonianae. 11 аббат монастыря, в чьих владениях происходит дело, признает свободными детей раба и свободной женщины, даже невзирая на то, что брак состоялся против воли родителей невесты.

⁴⁵ Cap. N 14. C. 22: De liberis hominibus qui uxores fiscalinas regias et feminis liberis quae homines similiter fiscalinos regios accipiunt, ut non de hereditate parentum vel de causa sua quaerenda nec de testimonio pro hac re abiciantur.

⁴⁶ Cap. N 142 (Capitula legi Salicae addita, 819). C. 3: De XIII capitulo legis Salicae. Si quis ingenuus ancillam alienam in coniungium acceperit, ipse cum ea in servitio implicetur. De hoc capitulo iudicatum est ab omnibus, ut, si ingenua femina quemlibet servum in coniungium sumpserit, non solum cum ipso servo in servitio permaneant, sed etiam omnes res quas habet... ad dominium cuius servum in coniungium accepit perveniat.

Распространение смешанных браков на практике и их правовое оформление не могли не благоприятствовать признанию и собственно рабской семьи. Хотя формально господин не обязан был с ней считаться⁴⁷, на деле целостность рабской семьи нарушалась редко. Грамоты свидетельствуют о том, что при отчуждении рабов, даже не посаженных на землю, за ними следует и семья (*agnatio, ethnike, uxor et infantes*)⁴⁸. Заглядывая вперед, отметим, что в XI в. к малой крестьянской семье (в том числе и зависимой) применяется термин *familia*, причем принципиальной разницы в понимании *familia* крестьянина и его сеньора не наблюдается⁴⁹.

В период ослабления государства (при Меровингах и первых Каролингах) переход человека из одного состояния в другое существенно упростился. Юридический статус лица, условно говоря, перешел в область частного права. На уровне правосознания статус стал восприниматься таким же благоприобретенным атрибутом личности, как семья и имущество. Особенно ярко эта тенденция проявилась в ареале действия римского права. Так, в одной из Овернских формул (конец VI в.) преступник, выкупленный из тюрьмы, передает своему благодетелю свободный статус, рассматривая его как один из видов имущества: *nullam habeo substantia, unde me redimere debeam, nisi tantum formam et statum meum, quem libero et inienuo video et habere*⁵⁰. Отчуждение свободного статуса оформляется почти так же, как отчуждение любых других ценностей⁵¹.

Со временем обособление человека от его статуса распространилось и на рабов. В грамотах IX–X вв. при отчуждении рабов их статус упоминается отдельно, наряду с пекулием⁵².

Права на имущество раба

В каролингскую эпоху наблюдались важные изменения и в юридической трактовке рабского имущества. В законодательстве еще присутствуют следы архаического представления о том, что оно является полной собственностью господина. Так, капитулярный о церковных делах (818/819 г.), в случае освобождения раба для того, чтобы он мог принять духовный сан, оставляет за господином право отнять или оставить отпущеннику его пекулий⁵³. Имущественный интерес церкви способствовал сужению прав господина на пекулий раба, принявшего постриг. В одной из грамот монастыря Сен-Жан-д'Анжели второй половины X в. провозглашается, что раб, ушедший в монастырь, уже в силу этого становится свободным, а его имущество после смерти переходит к братии⁵⁴. Как видно из фор-

⁴⁷ Cap. N 16. C. 19.

⁴⁸ Вот некоторые примеры из разных регионов Франкского государства: *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Bertin* / Publié par B. Guérard. P., 1841. (Далее: Saint-Bertin.) Lib. I. N 41 (776), N 47; *Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny* / Formé par A. Bernard. P., 1876–1903. (Далее: Cluny.) N 7 (833?), N 44 (891), N 51 (893), N 75 (902); *Cartulaire de l'abbaye de Saint-André-le-Bas-de-Vienne* / Publié par C.-U.-J. Chevalier. Lyon, 1869. (Далее: Saint-Andree.) App. II. N 111 (903), 114 (948); *Cartulaire de l'abbaye de Beaulieu (en Limousin)* / Publ. par M. Deloche. P., 1859. (Далее – Beaulieu) / N III (866); *Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean-d'Angély* / Par G. Musset. P., 1901–1904. (Далее – Saint-Jean-d'Angély.) N 2 (963–993), 3 (993–1029), 5 (989).

⁴⁹ Габдрахманов П. III. Средневековые крестьяне и их семьи: демографическое исследование французской деревни в VIII–XI вв. (по данным грамот). М., 1996. С. 42–47.

⁵⁰ Form. Arvern. 5; аналогично: Form. Andec. 3; 25.

⁵¹ В Form. Andec. 2; 19; 25 и Form. Turon. 10 говорится о продаже статуса за деньги; в Form. Andec. 38 – в залог за определенную сумму денег отчуждается *statum meum medietatem*. В подобных грамотах встречаются клаузулы, обычно употреблявшиеся при фиксации имущественных сделок. Так, *sanctio* Form. Andec. 25 в случае нарушения условий договора требует уплаты штрафа, вдвое превышающего *quantum statim nostri cum res nostras eo tempore meliorata valuerint*. Еще один штрих – упоминание доброй воли продавца: *plenissima voluntas, spontanea voluntas* (Form. Andec. 2; 19; Form. Turon. 10; Cluny. N 30).

⁵² См., например: Cluny. N 44; 74; 108; Beaulieu. N 1. См. также: *Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa*. P., 1720. T. 2. *Ecclesia Lemovicensis*. N 31.

⁵³ Cap. N 138. C. 6.

⁵⁴ Saint-Jean-d'Angély. N 2: фрагмент, относящийся к 963–993 гг.

мул, в светской среде пекулий, как правило, тоже сохранялся за отпущенником⁵⁵. К IX в. хозяйственная самостоятельность раба стала столь очевидна, что даже при продаже рабов поодиночке пекулий передавался вместе с ними⁵⁶.

Права раба на пекулий стали восприниматься как подобие собственности. То, чем владеет раб, именуется *res sua* (а не его господина)⁵⁷. Уже в формулах Маркульфа (конец VIII в.) раб владеет своим держанием *iure proprietario*⁵⁸, а в грамоте 938 г. из окрестностей Вьенна говорится о землях, а *liberis et servis hominibus iure possessis*⁵⁹.

Фактическое признание рабской семьи и ее права на владение имуществом в конце IX – X в. повлекло за собой проникновение в право представления о наследственном характере этого владения. Иногда имущество раба даже квалифицируется как *hereditas*⁶⁰ (обычно этот термин употреблялся для обозначения германского аллода или римской *possessio*). Рабам могли принадлежать земля с постройками⁶¹, скот⁶², рабы⁶³, сельскохозяйственный инвентарь⁶⁴, которыми владелец мог распоряжаться вполне свободно: завещать⁶⁵, продавать⁶⁶. Собственнические полномочия господина постепенно сводятся к праву ограничивать свободу раба отчуждать свое имущество той территорией, на которую распространяется сеньориальная власть (*mitium*)⁶⁷, а также к праву наследования выморочного владения⁶⁸.

Подобная трансформация представлений о правах на имущество раба стала возможна благодаря преобладающему влиянию варварской традиции. Если в римской практике функцией рабского пекулия была материальная выгода господина, то в германской среде рабское имущество выступало всего лишь как средство, *unde se sustinere*, на первом же месте стояла служба (*servitium*) господину.

В соответствии с традиционными варварскими представлениями о взаимности обязательств, тот, кому обязаны службой, должен заботиться о материальном благополучии зависимого человека. Господин должен обеспечивать неимущего раба⁶⁹. Владельцы поместий заботятся о том, чтобы *familiam suam nutrire*⁷⁰. По аналогии король *nutrit... honoribus* своих приближенных и вельмож⁷¹ и вообще выступает как «*nutritor gentis*»⁷².

Пока имущественное положение раба не затрагивало осуществление им службы господину, правосознание франков, логике которого в значительной мере следовало и королевское законодательство, могло отражать новые черты, не вступая в конфликт с римской системой юридических терминов.

⁵⁵ Form. Andec. 23; Form. Marculf. II. 32; 33; 34; Form. Bitur. 8; Form. Senon. I; 3; Form. Sal. Bignon. 2; Form. Sal. Merkel. 13b; 14.

⁵⁶ Saint-Bertin. Lib. I. N 41; 47; Lib. II. N 86; Cluny. N 74; 86; Beaulieu. N 1.

⁵⁷ Cap. N 82. C. 4; 6; 7; N 273 B. C. 20.

⁵⁸ Form. Marculf. II. 36.

⁵⁹ Saint-André. App. N 23.

⁶⁰ Cap. N 77. C. 5; N 82. C. 6; N 273 B. C. 30; Saint-Jean-d'Angély. N 2.

⁶¹ Cap. N 31; N 32. C. 50; N 273 B. C. 30; Saint-Jean-d'Angély. N 2.

⁶² Cap. N 31; N 32. C. 23.

⁶³ Cap. N 77. C. 5.

⁶⁴ Cap. N 31.

⁶⁵ Cap. N 40. C. 10.

⁶⁶ Cap. N 273 B. C. 30.

⁶⁷ Cap. N 77. C. 10: *Ut nec colonus nec fiscalinus foras mitio possint aliubi tradiciones facere.*

⁶⁸ Cap. N 77. C. 5. *Случай продажи зависимым человеком своего имущества другому собственнику с разрешения господина: Saint-André. App. N 25.*

⁶⁹ Cap. N 32. C. 50: *similiter et fiscalini qui mansos habuerint, inde vivant, et qui hoc non habuerint, de dominica accipiant provendam.*

⁷⁰ Cap. N 46. C. 18: *unusquisque de suo beneficio suam familiam nutrire faciat, et de sua proprietate suam familiam propriam nutriat; N 54. C. 6; N 78. C. 11.* Агобард Лионский рассказывает о вельможах, желающих иметь в своих владениях собственного священника и заявляющих: *Nabeo... clericionem quem mihi nutrive de servis meis propriis (Agobardus. De privilegio et jure sacerdotii // Patrologia Latina. P., 1864. T. 104. Col. 139).*

⁷¹ *Annales Mettenses priores / Recognovit B. de Simson. Hannoverae, 1905. [678].*

⁷² *Pauli Historia Langobardorum / Hrsg. von Georg Waitz. Hannoverae, 1878. VI, 58.*

Раб в составе корпуса собственности

В каролингскую эпоху, несмотря на изменение имущественного положения и размытие юридического статуса, раба продолжают воспринимать как органичную часть комплекса собственности. Имение повсеместно обозначается традиционной римской формулой *res et mancipia*. Место, отводимое рабам в рамках этого комплекса, очерчивается при попытке источников разделить целое на составные части.

Рассматривая деление имущества на движимое и недвижимое, воспользуемся описывающими состав имения «формулами принадлежности», присутствующими в формулах и грамотах. Сборники формул можно условно разделить по этому признаку на две категории: с преобладанием римской или же варварской правовой традиции. Наблюдая за тем, в каком месте *Pertinenzformel* упомянуты рабы, нетрудно заметить, что формулы, относящиеся к первой группе (Анжерские, Санские, Буржские), имеют тенденцию относить рабов к движимому имуществу⁷³, а формулы второй группы (формулы Маркульфа, Турские, Салические) – к недвижимости⁷⁴, хотя в действительности эти формулы, конечно, включали как посаженных, так и не посаженных на землю рабов. Самый яркий пример проистекающей отсюда двусмысленности встречается в одной из формул Маркульфа, где рабы в составе «формулы принадлежности» упомянуты два раза: один раз – при перечислении земельных угодий, а второй – в числе *rebus movilibus* и в обоих случаях названы *mancipia*⁷⁵.

Королевская канцелярия, стремясь упорядочить терминологический хаос, делит рабов на два разряда: посаженные на землю (*servi casati*) отнесены к недвижимости, остальные (*mancipia non casata*) – к движимости⁷⁶. Но уже в капитулярии 811 г.⁷⁷ *terrae et mancipia* противопоставлены *talibus speciebus quae ad utilitatem pertinent*. В дальнейшем законодательство относит *mancipia* уже исключительно к недвижимому имуществу⁷⁸, а для обозначения земельного владения как объекта собственности традиционную римскую формулу расширяет до *res et mancipia vel mobile*⁷⁹.

Тот факт, что законодательство больше не относит рабов к движимости, соответствует изменению в действительном их положении в начале IX в., а именно увеличению доли испомещенных на землю рабов по сравнению с неиспомещенными. Так, в капитулярии о поместьях говорится о рабах, приобретенных для размещения на свободных мансах, а нехватка последних рассматривается как нестандартный случай⁸⁰. Безземельный раб даже назван «*pauper servus*»⁸¹. Картулярий аббатства Кормери, что в окрестностях Тура, упоминает под 851 г. «*servos et ancillas... sub conditione colonarum constitutos*»⁸².

Одновременно становится все более очевидным неудобство объединения под одним названием рабов, сидящих на земле, и безземельных, чье существование полностью зависит от

⁷³ Form. Andec. 40: *mancipia* упомянуты среди утвари, скота и одежды; Form. Senon. I. 25; I. 31; Form. Bitur. 15a: *mancipia* в составе формулы принадлежности упомянуты отдельно и названы поименно.

⁷⁴ Form. Marc. I. 33; 35; II. 1; 3; 4; 6; 7; 11; 19; 23; Form. Sal. Bignon. 21.

⁷⁵ Form. Marc. II. 10.

⁷⁶ Cap. N 45. C. 11 (Divisio regnorum, 806): *praecipimus, ut nullus ex his tribus fratribus suscipiat de regno alterius a quolibet homine traditionem vel venditionem rerum immobilium, hoc est terrarum, vinearum atque silvarum servorumque qui iam casati sunt, quae hereditatis nomine censentur, excepto auro, argento et gemmis, armis ac vestibus, necnon et mancipiis non casatis et his speciebus quae proprie ad negotiatores pertinere noscuntur*. Этот пассаж дословно повторен в: Cap. N 194. C. 11 (Divisio regnorum, 831).

⁷⁷ Cap. N 74. C. 2.

⁷⁸ Cap. N 77. C. 7; N 80. C. 4; N 156. C. 3; N 167. C. 4; N 259. C. 6, 12; N 273 B. C. 6, 14, 23; N 278. C. 3, 8.

⁷⁹ Cap. N 273 B. C. 23; N 278. C. 3.

⁸⁰ Cap. N 32. C. 67: *De mansis absis et mancipiis adquisitis, si aliquid super se [iudices] habuerint quod non habeant ubi eos collocare, nobis nuntiare faciant*.

⁸¹ Cap. N 272.

⁸² Bourassé J.-J. Cartulaire de Corméry, précédé de l'histoire de l'abbaye et de la ville de Corméry d'après les chartes. Tours; P., 1861. (Далее – Corméry). N 19 (851).

господина. По грамотам IX–X вв. прослеживается кризис древней юридической терминологии. Способы преодоления этого кризиса варьируют в отдельных районах и даже в различных владениях. В Сент-Андре (Вьенн), Болье (Лимузен) и Сен-Бертен (Фландрия) намечается тенденция обозначать рабов-держателей словом *servi*, безземельных же рабов – словом *mancipia*⁸³. К такому же словоупотреблению склоняется королевская канцелярия (капитулярии)⁸⁴. В Сен-Бертен и Болье рабы-держатели уже прочно ассоциируются с землей. При передаче владения, где имеются рабы обоих видов, безземельные рабы перечисляются поименно (*mancipia his nominibus...*), а имя держателя служит лишь отличительным признаком сервилного манса (*mansis servilibus mansum ubi R. manet*)⁸⁵.

Документы из Ключни (Бургундия) и Сен-Жан-д'Анжели (Сентонж) не проводят смыслового разграничения между *servi* и *mancipia*, но о рабах-держателях обычно упоминают как о *commanentes*, *supramanentes* и т. п.⁸⁶ По мере того как рабы, сидящие на земле, становились общераспространенным явлением, отпадала необходимость отдельно называть их в составе имения. Со второй половины X в. в грамотах Ключни *servi* и *mancipia* практически не упоминаются. Эти наблюдения справедливы также для монастырей Сен-Жюльен в Бриуде (Овернь), Сен-Жиль (Лотарингия) и кафедрального собора в Безье (Лангедок), где вообще избегают употреблять термин «раб». В Бриуде *servi* упомянуты единственный раз в грамоте середины VIII в., а в IX в. там уже выстраивается иерархия прав на землю: собственник *habet*, бенефициарий *tenet*, а простой держатель – *excolit, cooperat, manet*⁸⁷.

Приоритет статуса земли перед личным статусом зависимого человека, вероятно, объясняется тем, что в каролингскую эпоху объем и характер повинностей все больше зависели от статуса держания, учитывая его участвовавшее несоответствие статусу держателя⁸⁸.

Итак, правосознание каролингской эпохи прочно ассоциирует рабов с землей поместья, к которому они относятся. Особое значение для современников приобретает наследственная природа этой связи. Вот ранний пример из ареала действия римского права: в одной из Анжерских формул (VII в.) при рассмотрении судебного дела, в ходе которого истец доказывает, что ответчик – его раб, судья в первую очередь выясняет, состояли ли в зависимости от истца родичи (*agnatio*) ответчика, а затем предлагает последнему поклясться, что в течение 30 или более лет он не нес рабской службы⁸⁹. Подобная логика предполагает проживание нескольких поколений рабской семьи на землях одного господина. В источниках с преобладанием варварской традиции эта тенденция

⁸³ О существовании смыслового различия говорит грамота из Saint-André. N 11 (902): ...*necnon servis et ancillis mancipiisque utriusque sexus et etatis*. Это подтверждается: App. N 23, 33; App. II. N 144, где *servi*, *ancillae* – это рабы-держатели, и App. II. N 111, где *mancipia* – безземельные рабы. Грамота N 33 (745) из Saint-Bertin разграничивает *mancipia* и *accolae servientes*.

⁸⁴ Cap. N 45. C. 11: «*servi casati*», но «*mancipia non casata*»; аналогично: N 194. C. 11.

⁸⁵ Beaulieu. N 3 (866); Saint-Bertin. Lib. II. N 54 (877): *mancipia XIII et mansa servilia III*, N 90 (867).

⁸⁶ Cluny. N 42 (891). N 51 (893); Saint-Jean-d'Angély. N 253 (914). То же: в Cartulaire de Brioude (*Liber de honoribus Sancto Juliano collatis*) / Publ. par H. Doniol. Clermont-Ferrand, 1863. (Далее – Brioude.) N 65 (928). N 81 (начало IX в.), N 29 (878), N 102 (892); Beaulieu. N 1; Saint-Bertin. Lib. I. N 14, 23, 25, 37; Lib. II. N 21, 24, 79.

⁸⁷ Brioude. N 29 (878): предмет пожалования – *mansus meus proprius quem Austindus visus fuit excolere*; N 4 (929): монастырь жалуют *mansum... proprium... in quo Reinfredus visus est manere*. В N 44 (909) душеприказчики покойного передают св. Юлиану *mansum quem Alradus visus est excolere*, покойный же этот манс *visus est habere*. N 113 (943): жалуют *mansum quem Engalrandus visus est excolere*, при условии, что от монастыря его *teneat* Ictor decanus; такая же градация – в N 30 (922) и N 83 (s. a.). В N 112 (925) глаголом *tenere* обозначены права узуфруктуария.

⁸⁸ На материале каролингских полиптиков эту тенденцию проследил И. С. Филиппов. См.: Филиппов И. С. Указ. соч. С. 525–527.

⁸⁹ Form. Andec. 10a: *Interrogatum fuit ipsius illo. de sua agnacione alius homines in suum servitium habebat, annon; et ipsi illi taliter locutus fuit, ut hoc non redebebat, ... at de agnacione aut de conparato. Клятва ответчика (10b): ...de annis 30 seu amplius sub ingenuetate nomen resedi; nam et ipsi superius nomenatur servitium non rededi nec redebio...*

выражена гораздо сильнее, о чем свидетельствует, например, смысловая нагрузка словосочетания *res et mancipia*, обозначающего собственность как целое. Если грамоты с римским формуляром безразличны к происхождению обозначенного таким образом владения (унаследованного или благоприобретенного) и характеризуют лишь полноту прав на него, то франкское правосознание видит в нем преимущественно наследственную собственность. В Турских формулах, где ощущается влияние Салического закона, *res et mancipia* и *hereditas* – синонимы⁹⁰. В капитуляриях это словосочетание обозначает, как правило, франкский аллод⁹¹. В *Divisio regnorum* (806 г.) встречаем также отдельное упоминание рабов в составе аллода: *terrarum, vinearum atque silvarum servorumque qui iam casati sunt, quae hereditatis nomine censentur*⁹².

Представление о наследственной связи рабов с землей утвердилось в сознании современников ввиду того, что, во-первых, при Каролингах рабы-держатели стали преобладать над безземельными дворовыми рабами; во-вторых, рабское сословие все чаще пополнялось за счет закабаления бедняков, а не в результате завоевательных войн, и раб, таким образом, уже не был чужаком, оторванным от корней, а являлся местным жителем⁹³; в-третьих, в восприятии собственности (в том числе и рабов) варварское сознание интересовалось прежде всего ее происхождением.

Осмысливая эти объективные изменения с точки зрения логики варварской традиции, законодательство рассматривает земли, на которых из поколения в поколение проживало семейство раба, как его *patris* – ситуация, немыслимая для раба античного⁹⁴! Согласно постановлению Карла Великого, господин может получить обратно своих рабов, проживающих под чужой властью, только в случае их возвращения на прежнее место жительства, где находятся все их родственники⁹⁵.

Представляется, что в долгосрочной перспективе адекватно осмыслить превращение раба из «говорящего орудия» в сидящего на земле серва позволил характерный для варварского правосознания приоритет личных отношений господства и подчинения перед отношениями вещными, поэтому основной функцией раба считалось служение (*servitium*) господину⁹⁶.

Действительно, источники, происходившие из областей с преобладанием германской традиции, предпочитали называть рабов не *mancipia*, а *servi*, *servientes*⁹⁷. Однако этими же словами обозначались и другие, более почетные виды служения: монахи именовались *servi*

⁹⁰ Form. Turon. 24. Судья назначает опекуна сироте, [ita] ut per nullam occasionem supradicti pupilli *hereditas*... non minuetur, sed ipsas *res vel mancipia* atque omni sua substantia diligenter excolat...

⁹¹ В капитуляриях N 65. C. 15; N 80. C. 4; N 156. C. 3, где рассматривается категория судебных дел *de libertate vel de hereditate*, относящихся к высшей юрисдикции, выражение *res et mancipia* выступает как синоним *hereditas*. Так, N 80. C. 4 гласит: Ut nullus homo in placito centenarii [т. е. в суде низшей юрисдикции. – Е. К.] neque ad mortem neque ad libertatem suam amittendam aut ad *res reddendas vel mancipia* iudicetur, sed ista aut in praesentia comitis vel missorum nostrorum iudicentur. В Cap. N 237 В. C. 6, 23 и N 278. C. 3 *res et mancipia* выступают как средство привлечения преступника к суду *secundum legem*, т. е. в соответствии с варварским законом, по которому он живет. В Cap. N 273 В. C. 14 проводится разграничение между аллодом и бенефицием: cum duobus aliis hominibus, qui in eius comitatu *res et mancipia vel beneficia* habent.

⁹² Cap. N 45. C. 11.

⁹³ П. Боннасси замечает, что «на протяжении всего раннего средневековья судебная машина работала как механизм закабаления свободных бедняков». См.: *Bonnassie P. Op. cit. P. 327–329.*

⁹⁴ Cap. N 50. C. 6: et ille fugitivus absque dubio in patriam ad dominum suum revertatur. Cap. N 46. C. 5: fugitivi vero servi... redeant ad propria loca.

⁹⁵ Cap. N 56. C. 4: Ut homines fiscalini sive coloni aut servi in alienum dominium commorantes, a priore domino requisiti, non aliter eisdem concedantur, nisi ad priorem locum, ubi prius visus fuit mansisse, illuc revertatur et ibi diligenter inquiratur de statu ipsius cum cognatione eius.

⁹⁶ Bloch M. Les coliberti... P. 238, 254.

⁹⁷ Form. Marculf. I. 2, 3, 4; Form. Sal. Bignon. 1, 11, 14, 27 (*servi*); Form. Sal. Merkel. 12, 14 (*servus*), 13b (*serviens*).

Dei, Dei servientes⁹⁸; термином *servitium* обозначалась служба вассала⁹⁹, а также повиновение сына отцу или внука деду¹⁰⁰. Примечательно, что раб, как и вассал, должен быть верен (*fidelis*) господину¹⁰¹. Иногда лиц, обязанных господину какой-либо службой, именовали *homines*. Этот термин особенно широко употреблялся с середины VIII в. и мог обозначать как вассалов¹⁰², так и рабов¹⁰³, а также зависимых людей¹⁰⁴, чаще всего – сидящих на земле¹⁰⁵ (словоупотребление, характерное для картулярии аббатства Сен-Бертен). К началу XI в. в Лотарингии под словом *homines* уже понимают людей, находящихся в сеньориальной зависимости от одного господина¹⁰⁶.

Приоритет личного служения активно насаждался на всей территории Франкского государства королевской канцелярией¹⁰⁷: в первую очередь при помощи капитуляриев, но также и посредством иммунитетных грамот и дипломов. Так, из восьми упоминаний *homines* в картулярии Сен-Бертен, относящихся к периоду ранее XI в., пять связаны с предоставлением иммунитета; единичные упоминания *homines* в других регионах королевства также встречаются, в основном, в иммунитетных грамотах¹⁰⁸.

Часто сервилный статус держателей выражен лишь в их повинностях, которые продаются или завещаются наряду или даже вместо личности раба¹⁰⁹.

⁹⁸ Так называют монахов, например, картулярии аббатств Сен-Жюльен-де-Бриуд, Сен-Жан-д'Анжели, Болье.

⁹⁹ Brioude. N 60 (891): даритель жалует монастырю землю, но в качестве узупфруктуария назначает «amicum meum Arlabaldum, propter *servitium* quod circa mea inpendit et in antea facere non desinet» (т. е., видимо, своего вассала). Saint-André-le-Bas. App. N 25 (961): грамота от имени некоего Карла в ответ на просьбу его *serviens'a* о разрешении продать монастырю участок, который «*serviens noster R. visus fuit habere sive heredes ejus*». Карл же, поскольку он «*potestatem habet de predictis terris et de rebus illorum*», разрешил, «*pro amore bone servitutis*».

¹⁰⁰ Form. Sal. Bignon. 10; Form. Sal. Merkel. 25.

¹⁰¹ Form. Marculf. II. 36 (Si quis *servo* aut *gasindo* suo aliquid concedere voluerit): *Iustissimis nostris sublevantur muneribus, qui nobis fideliter et instanti famulantur officio. Ego... ille fidei nostro illo. Pro respectu fidei et servitii tui, quia circa nos inpendere non desistis... cedimus tibi a die presente locello nuncupante illo...* Агобард Лионский (*Agobardus*. De insolentia Judaeorum // Patrologia Latina. T. 104. Col. 73, В–С) также рассматривает верность как добродетель, общую для зависимого человека и вассала: Si aliquis homo seniori suo vel domino *fidelis et amator* existat...

¹⁰² Form. Senon. I. 27: король – графу: «*venit nobis homo noster, serviens vester*»; Cap. N 45 (Divisio regnorum, 806). C. 7: Neque aliquis illorum [filiorum Karoli Magni. – E. K.] *hominem* fratris sui... ad se fugientem suscipiat.

¹⁰³ Form. Sal. Bignon. 23.

¹⁰⁴ St-Bertin. Lib. I. N 45 (788) и N 58 (820): упоминание о *homines*, которые охотятся для монастыря; Lib. II. N 21 (842–859): *homines* de lumine; Cap. N 80 (811–813). C. 5: Ut missi nostri diligenter inquirant... quid unusquisque de beneficio habeat vel quot *homines casatos* in ipso beneficio.

¹⁰⁵ Form. Senon. I. 31: пожалование участка «*cum terris... cultis et incultis adjacentisque hominibus*»; Form. Marculf. I. 2, 4; St-Bertin. Lib. II. N 56 (877): *mansa XII cum hominibus*; Lib. I. N 14 (691): *homines ingenuos quam et servientes super terras suas commanentes*; аналогично: Lib. I. N 23 (719), 25 (721), 37 (769); Lib. II. N 79 (962).

¹⁰⁶ Cartularium conventus Sancti Egidii Camaleriarum / Ed. H. Fraise. Le Puy. 1871. N 173. В этой грамоте времен Филиппа I рассказывается о том, что у монастыря вышел спор с проживающим по соседству сеньором, так как последний «*mulieres quasdam et homines habitantes in valle Camalarii pro suis requirebat*». В результате этот сеньор перед собранием монахов и мирян «*eos omnes... abjuravit et dimisit omnino quod nec ipse nec heredes illius eos ulterius requirere valerent*».

¹⁰⁷ Hollyman K. J. Le développement du vocabulaire féodal en France pendant le haut Moyen âge. Genève, 1957. P. 62. Автор отмечает также, что термин *servitium*, изначально характеризовавший рабское служение, в меровингское время потерял пейоративное значение и распространился на все виды личных повинностей.

¹⁰⁸ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Sernin de Toulouse: 844–1200 / Publ. par C. Douais. P.; Toulouse, 1887. N 3 (844): *cum omnibus rebus et hominibus ibidem aspicientibus*; Saint-André. App. N 25 (961); Gallia Christiana. P., 1865. T. 16. Eccl. Anciensis. N 36 (846), 37 (877); T. 2. Eccl. Lemovicensis. N 5 (850); Eccl. Claromontensis. N 51–52 (первая половина IX в.).

¹⁰⁹ В Form. Sal. Bignon. 7 (глава «De mancipia», относящаяся к эпохе Карла Великого) в суде викария рассматривается иск монастыря к некоей женщине, которая уклоняется от наследственного шеважа

Благодаря тому что для повинностей различных категорий зависимых людей, в том числе рабов, франкское правосознание выделяло элемент личной зависимости, в каролингскую эпоху стали стираться грани между различными категориями зависимого населения, входящими в *familia* господина, и за всеми ее членами, в том числе за рабами, стали признавать право гарантировать себя от произвола господина кутмой, устанавливавшей максимум требуемой службы¹¹⁰. В дальнейшем это послужило предпосылкой конституирования сервильного класса именно под названием *servi*¹¹¹.

Ввиду особого положения раба в составе имения и преимущественно личного характера зависимости от господина его место в корпусе собственности осмыслялось, в первую очередь, через понятие *potestas* (выступавшее обратной стороной понятия *servitium*). В классическом римском праве этим словом обозначали власть господина над всем комплексом собственности, соответствующую термину *dominium*¹¹². В более узком смысле *potestas* означала власть над людьми, как публично-, так и частноправового характера¹¹³, а применительно к имению – власть над рабами и другими лицами, зависевшими от господина¹¹⁴, являясь, таким образом, конституирующим признаком *familia*¹¹⁵.

В источниках VII–X вв. термин *potestas* и его синонимы *dominium* (*dominatio*), *ius*, *ditio* означают власть над имением в целом, но там, где речь идет о рабах или других зависимых людях, ему отдается предпочтение¹¹⁶. Грамотой 631 г. даритель жалуется мона-

(*cavalis=servitium=opus*); вопрос о ее статусе даже не поднимается. В формулах, закрепляющих временное закабаление за *prestitum beneficium* (т. е. определенную сумму денег), всегда оговаривается размер барщины: см. Form. Senon. 3: *in quisque [heb]domata dies tantos opera tua, quale mihi iniuncxeris et ratio prestat, facere debeam*; аналогично: Form. Senon. 24; Form. Andec. 38; Form. Marculf. II. 27. В кратком описании имущества аббатства Сен-Бертен зафиксированы размеры барщины рабов и рабынь (Lib. II. N 21 (842–859)) «*mansa XXIII et dimidium... cum servis XI, qui faciunt ladmones XII*»; в другом имении «*mansum XVIII et dimidium... cum servis XI, qui faciunt III dies in ebdomada*»; Brioude. N 81: обменивается вилла «*una cum adjacentia sua, vel servos, vel tributa quod exinde debet annis singulis*»; в Sanctus Egidius. N 64 жалуются одни повинности (*consuetudines*). См. также. Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe medieval. T. I. P. 723.

¹¹⁰ Капитулярный N 31 (800), перечисляя все категории людей, входящих в *familia*, по имущественному признаку, упоминает среди них лиц, не имеющих ни земли, ни рабочего скота, после чего применительно ко всей *familia* заключает: *Idcirco haec statuimus, ut nec familia se a predictis operibus subtrahere posset, neque a senioribus amplius eis exquireretur*. Аналогичные гарантии – в N 259 (853). C. 6 и N 273 B (864). C. 29. Corméry, N 19 (851): *hoc vero servos et ancillas... tributum amplius ut non requiratur quem unicuique mansum tenenti biduam in hebdomada II, vinum aut frumentum sextarios VIII, pullos II, cum ovis*. В формулах размеры барщины, изначально определяемые контрактом (Form. Marc. II. 27; Form. Senon. 3. 24), тоже превращаются в традиционные: так, в Form. Andec. N 38 она названа «*opera legitima*». См. также: Lauranson-Rosaz Ch. Des «mauvaises coutumes» aux «bonnes coutumes»: Essai du synthèse pour le Midi (V–XII siècles) // La coutume au village dans l'Europe médiévale et moderne / Ed. M. Mousnier, J. Poumarède. Toulouse, 2001. P. 26–32.

¹¹¹ Bloch M. Les «colliberti». P. 251.

¹¹² Inst. I. 2. 4. 4: *dominium определен как «plena in re potestas»*.

¹¹³ Dig., 50. 16. 215: *Potestatis vero plura significantur: in persona magistratum imperium, in persona servi dominium*.

¹¹⁴ D. I. 6. 1. 1 (Gaius): *Igitur in potestate sunt servi dominorum...*; D. I. 1. 4 (Ulpianus): *quamdiu quis in servitute est, manui et potestati suppositus est, manumissus liberatur potestate*.

¹¹⁵ D. 21. 1. 25. 2 (Ulpianus): «*Familiae appellatione omnes qui in servitio sunt continentur, etiam liberi homines, qui ei bona fide serviunt, vel alieni: accipe eos quoque qui in potestate eius sunt.*»

¹¹⁶ В Cap. N 56. C. 4 (803–813) упоминаются «*homines fiscalini sive coloni aut servi in alienum dominum commorantes*»; Cap. N 59 (803–813). C. 4: *Nullus homo alterius clericum aut hominem recipiat in sua potestate*; Cluny. N 53 (893): Отчуждается вилла, в составе которой упомянуты *mancipia*, «*de mea potestatem, post excessum vitae meae, in tua trado atque transfundo dominatione iure perpetuo*»; Saint-André. App. N. 11 (902): король жалуется вице-графу 2 виллы с церковью и всем, что к ним относится, «*necnon servis et ancillis mancipiisque utriusque sexus et etatis ad jam dictas villas vel ecclesias pertinentibus... totum et ad integrum prelibati Beriloni vice comiti jure concedimus hereditario, ac de nostra potestate in jus ac dominationem ipsius perhenniter habendum transfundimus*». Saint-André-le-Bas, App., N 25 (961): словом *potestas* названа власть сеньора над владениями вассала, а служба последнего именуется *servitium*.

стырю св. Элигия близ Лиможа земли «cum mansionariis, originariis, inquilinis ac servis vel accolanis ibidem commorantibus», подчеркивая при этом: meo exinde subtracto dominio, vestrae dominatione... cedo [...] et nullam potestatem nullumque jus episcopus vel quaelibet alia persona in praefato monasterio neque in rebus, neque in personis... penitus sit habiturus¹¹⁷. В грамоте самопродажи из Клуни (887 г.) некто Бертерий передает себя in potestate супружеской чете¹¹⁸. Его отношение к господам названо servitium. В Пистенском капитулярии (862 г.), касающемся иммунитетных владений, речь идет о «colonis et servis cuiuslibet potestatis»¹¹⁹.

В источниках, отразивших преимущественное влияние варварской традиции, для термина potestas, а также близких ему по смыслу, иногда характерен публично-правовой оттенок. В капитулярии 802 г., защищающем имущественные права короля на фискальных землях, термин potestas употреблен в широком смысле: Карл Великий требует, «ut nullus homo... neque servum domini imperatoris neque terminum neque terram nihilque quod iure potestativo permaneat nullatenus contradicat neque abstrahere audeat vel celare»¹²⁰. Другой пример находим в одной из формул Маркульфа, в которой король жалует вассалу виллу, принадлежащую фиску: decernemus... ut ipsa villa illa antedictus vir ille... in omni integritate cum terris, domibus, aedificiis, accolabus, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis, aquis aquarumve decursibus, farinariis, adiecentiis, adpendiciis vel qualibet genus omnium dicione fisci nostri subditum, qui ibidem commanent... perpetualiter habeat concessa¹²¹. Характерно, что в нарративных источниках каролингского времени для описания отношений публичного и частного права используется та же терминология: potestas может означать власть государя над подданными (regalis potestas)¹²², власть императора над покоренными народами¹²³; в первом случае синонимом potestas часто выступает ius¹²⁴, во втором – dominium, dominatio, ditio¹²⁵.

По всей видимости, дальнейшая эволюция понятия potestas следовала логике варварского правосознания. У германцев, в отличие от римлян, в силу недостаточной расчлененности публичного и частного права, власть собственника не отграничивалась четко

¹¹⁷ Gallia Christiana. Ecclesia Lemovicensis. N 29 (631?).

¹¹⁸ Cluny. N 30 (887): omo nomen Berterius... per mea plenissima prumta voluntate, corrigiam ad collum meum misi et manibus in potestate Alariado vel ad uxore sua Ermengart, ad integrum estatum suum, secundum lege romana, se tradidit.

¹¹⁹ Cap. N 272 (862).

¹²⁰ Cap. N 33. C. 4.

¹²¹ Form. Marculf., I, 14.

¹²² Annales Regni Francorum / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895, a. 749; Hincmarus. De ordine palatii. Cap. 5 // MGH. Capitularia regum Francorum. T. 2. P. 517–530.

¹²³ Annales Regni Francorum. a. 782: Tunc omnes Saxones subdiderunt se sub potestate... domni regis; Theganus. Vita Hludovici Imperatoris, 11: omnem terram Beneventi suae potestati tradiderunt.

¹²⁴ Nithardi Historiarum libri IIII / Hrsg. von E. Müller. Hannoverae, 1907. I. 6. Часть королевства, которую Людовик Благочестивый выделил своему младшему сыну Карлу Лысому, описана по тому же принципу, что любое имение в дарственной грамоте: Id est a mari per fines Saxoniae usque ad fines Ribuariorum... [следует подробное описание провинций и городов], omnes videlicet episcopatus, abbatias, comitatus, fiscos et omnia infra praedictos fines consistentia cum omnibus ad se pertinentibus, in quacumque regione consistebant et sui iuris esse videbantur...; II. 6: quicumque e Burgundia nec non et inter Ligerem et Sequanam sui iuris esse vellent... II. 8: Nam suorum hominum... quosdam suo iuri adiecit; III. 4: urbemque... sui iuris restituit.

¹²⁵ Annales Regni Francorum. 761: Пипин Короткий «in Alverno alia multa castella coepit per placitum, quae se subdiderunt in eius dominio»; 774: лангобарды «subdiderunt se in dominio gloriosi Caroli Regis et francorum»; 776: саксы «sub dicione domni Caroli Regis et Francorum subdiderunt»; 789: Карл Великий «supradictos Sclavos sub suo dominio conlocavit»; Theganus. VII. 9: «... legati venerunt ad eum [т. е. к Людовику Благочестивому] ex omnibus regnis et provinciis, exteris nationibus, et omnes qui sub ditione erant patris sui, nunciantes pacem et fidem erga eum observare, et spontaneum obsequium non coacti obtulerunt»; 25: о том, как Людовик вторгся в Бретань, убил герцога «... et omnem terram illam suae ditioni subegit»; Nithardus, HLQ, III, 4: Лотарь «sperabat... Nominoium Brittanorum ducem suo subdere dominatui posse».

от власти государя над подданными, поскольку обе носили личный характер¹²⁶. Это представление было еще живо в каролингскую эпоху, но со временем, по мере того как, с одной стороны, личные права обособлялись от вещных, а с другой – параллельно ослаблению государственных институтов публичная власть растворялась в сеньориальных правах отдельных собственников, сфера приложения термина *potestas* все больше сводилась к личным отношениям господства и подчинения, т. е., в конечном счете, к праву сеньориальной юрисдикции¹²⁷.

Подводя итоги, отметим парадоксальное явление: законодательство Каролингов (капитулярии), консервируя архаическую терминологию, связанную с рабством, тем самым способствовало повышению престижа раба в глазах общества. Из-за того, что в VIII–X вв. слова *servus*, *ancilla* и *mancipium* во многом потеряли смысловую определенность и обозначали людей совершенно разного статуса, они смогли вобрать в себя новые черты в положении зависимого человека.

Источники, характеризующие правовую практику (формулы, грамоты), свидетельствуют, что раб *de facto* все больше и больше превращается в субъект права. Доказательства тому – временность и обратимость рабского статуса, фактическое признание рабской семьи, взгляд на пекулий как на наследственное имущество раба.

Наиболее важными выглядят процессы, протекавшие на уровне правосознания. Отражая особое место раба в составе корпуса собственности (например, имения), варварская по происхождению логика мышления выводит на первый план личный характер его связи с господином (дихотомия *servitium/potestas*). Поскольку это представление было адекватно происходившим в обществе изменениям, оно и стало тем стержнем, который позволил в дальнейшем осмыслить переход к серважу.

В связи с тем, что этот процесс не находил отражения в юридической терминологии, старый понятийный аппарат постепенно приходил в негодность. Тот факт, что в X–XI вв. слова *servus*, *ancilla* и *mancipium* употреблялись редко, свидетельствует скорее о кризисе системы терминов, чем о фактическом исчезновении рабства.

KAPRANOVA JE. JU.

LO SCHIAVO DELL'ETÀ CAROLINGIA: OGGETTO O SOGGETTO DEL DIRITTO?

(RIASSUNTO)

Nell'articolo viene esaminata la posizione giuridica dello schiavo nello Stato dei Franchi all'età carolingia (ss. VIII–X). La risposta alla questione se lo schiavo fosse oggetto o soggetto del diritto ci aiuta a comprendere la specificità della società carolingia dal punto di vista del problema più globale di transizione dalla schiavitù tradizionale (dell'antichità classica e patriarcale) al servaggio medioevale. Di tutti i rami del diritto è stato scelto come oggetto della ricerca il diritto della proprietà in quanto quello che riflette in modo più completo l'essenza stessa della schiavitù. Per risolvere il problema sono stati utilizzati: la legislazione dei Carolingi (capitolari), formule, atti, nonché delle fonti narrative. L'indagine ha seguito tre indirizzi: la ripartizione

fra il padrone e lo schiavo dei diritti sulla persona di quest'ultimo, sui suoi beni nonché il modo di inclusione dello schiavo nel corpo della proprietà in quanto insieme di diritti personali e reali.

Diritti sulla persona dello schiavo. Con tutta la varietà di transazioni di cui è oggetto lo schiavo, nelle fonti esse si ritrovano in un contesto limitatorio (carattere pubblico della procedura, presenza di autorità, non alienabilità degli schiavi della Chiesa e del fisco). La riduzione della libertà di disporre degli schiavi concorde agli interessi della corona è la persistenza della terminologia tradizionale nella legislazione regia porta all'erosione del significato delle parole *servus*, *ancilla*, *mancipium*. I frequenti passaggi dei liberi nella condizione di schiavi, la reversibilità dello

¹²⁶ Esmein A. Cours élémentaire du droit français. P., 1895. P. 66–67; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 44, 58–60.

¹²⁷ Balon J. Jus mediae aevi. 2, Lex iurisdictionis. Namur, 1960. P. 127–128.

status di schiavo, il riconoscimento di fatto della famiglia dello schiavo e dei matrimoni misti fra liberi e schiavi aprono la via all'emancipazione dello schiavo agli occhi della società.

Diritti sui beni dello schiavo. Nelle fonti si può rintracciare la tendenza di considerare il peculio dello schiavo come una sembianza della sua proprietà ereditaria. Ciò può essere giustificato dalla crescente indipendenza economica dello schiavo insieme all'influenza della tradizione barbara per cui i beni dello schiavo non servono al profitto del padrone, ma rappresentano soltanto il mezzo di sostentamento del suo detentore perché renda un servizio efficace al padrone. In tal modo la coscienza giuridica dell'età carolingia riconosceva allo schiavo il diritto di possedere in maniera ereditaria non solo beni mobili, ma anche terre, edifici ecc. ed esercitare con esse delle transazioni nei limiti del territorio sottoposto al signore.

Schiavo nel corpo di proprietà. All'età carolingia gli schiavi sono visti come parte organica del potere. Nelle fonti dove predomina la tradizione barbara (in particolare nei capitolari) prende il sopravvento la tendenza di annoverarli tra beni immobili. Il legame fra lo schiavo e la terra è già una regola ed ha un carattere ereditario. La funzione principale dello schiavo dentro al

potere viene intesa dalla dottrina giuridica franca come «servizio» (*servitium*). Siccome il servizio non è caratteristico solo per i rapporti del proprietario con gli schiavi, ma anche con altre categorie della popolazione dipendente, si apre una via per la confusione di diverse categorie di persone dipendenti nell'ambito della *familia*, il che spiega in prospettiva la formazione della classe di detentori delle terre in dipendenza personale, con il nome di *servi*. L'atteggiamento del proprietario nei confronti dello schiavo viene caratterizzato con il termine *potestas* (potere personale del padrone). Questo termine, avendo nella coscienza giuridica dei barbari un tocco di diritto pubblico, posteriormente, a misura della formazione della signoria, passerà per designare soprattutto il diritto di giurisdizione signorile.

Pertanto, nelle fonti che riferiscono la prassi giuridica (formule, carte), lo schiavo sotto molti aspetti si presenta come soggetto del diritto: la condizione di schiavo ha un carattere temporaneo e reversibile; viene riconosciuta la famiglia dello schiavo, i diritti dello schiavo nei confronti del peculio vengono concepiti come proprietà. Nei ss VIII-X è patente una crisi di terminologia giuridica, giacché le denominazioni tradizionali degli schiavi non riflettono più la loro essenza sociale.